

Секта в доме моей бабушки

Автор:

[Анна Сандермоен](#)

Секта в доме моей бабушки

Анна Сандермоен

Когда Ане было 8 лет, родители отправили ее на летние каникулы к бабушке. Но, приехав в квартиру, полную счастливых воспоминаний, девочка обнаружила там множество незнакомых людей – и бабушку, которая обращалась с ней как с чужой. Домой Аня вернулась только через шесть лет. Эта книга о детстве в секте. Ее лидер В. Д. Столбун утверждал, что может создать сверхлюдей, способных преодолевать любые физические и психические заболевания. Эта книга о том, как взрослые предают детей. Эта книга – предупреждение для всех, кто склонен доверять людям, которые заявляют о своем намерении «спасти мир». Книга поможет распознать секту, пока не стало слишком поздно. Автору удалось освободиться от власти кукловода, но его страшное дело живет до сих пор. Содержит нецензурную брань.

Анна Сандермоен

Секта в доме моей бабушки

Вступительное слово Шетила Сандермоена

Книга, к чтению которой вы приступаете, написана моей дорогой женой Аней. Это правдивая история о ее детстве, и я уверен, что она станет для вас настоящим потрясением.

Среди множества совершенно шокирующих воспоминаний больше всего меня тронуло то, как Аня описала свое возвращение в дом бабушки. В ее памяти он представлял полным игрушек и радости, но по приезду она обнаружила там толпу непонятных личностей, а ее любящая бабушка обращалась с маленькой девочкой как с неожиданным гостем. Оказалось, что дом превратился в секту. Аня решила назвать свою книгу «Секта в доме моей бабушки», и это, по всей видимости, есть главное подтверждение того, что тот давний момент потряс ее до глубины души.

Должен признать: когда мы только познакомились с Аней и она приоткрыла завесу над своим прошлым, упомянув, что выросла в секте, я стал размышлять о том, какие проблемы это может за собой повлечь и как скажется на наших отношениях.

Аня – личность сильная и гордая, и не в ее привычках заикливаться на негативной стороне жизни. Истории из детства, которыми она обычно делится в кругу семьи и друзей, – веселые и ностальгические. Однако я понимаю, что память о детских годах, проведенных в секте, очень болезненна и останется с ней навсегда. Именно поэтому я всячески подталкивал ее к написанию книги. Думаю, что эта работа была нужна для ее психологического восстановления. Эта история достойна быть написанной и уж тем более достойна быть прочитанной. Она может послужить предупреждением любому взрослому, у которого возникнет искушение вступить в секту или, хуже того, – как это случилось с Аней – отдать в секту своего ребенка.

Секты в принципе опасны и разрушительны. Суть их деятельности заключается в агрессивном вовлечении все новых адептов ради реализации политических, религиозных, идеологических амбиций руководителей. Секта всегда зиждется на жесткой, подавляющей иерархии, причем лидером обычно выступает шарлатан, движимый стремлением к власти, сексуальным и материальным привилегиям.

Секта, которую описывает Аня, по моему мнению, исключительно опасна, поскольку обещает излечение от таких серьезных заболеваний, как шизофрения и рак. Причем главарь этой секты утверждал, что шизофренией болен весь мир и только его «метод» является панацеей, создав себе таким образом прекрасную рыночную нишу. Логика «метода» такова. Дети, окруженные излишней родительской заботой, становятся «слабыми». А болезни развиваются как раз в результате негативных мыслей и слабых характеристик. Поэтому необходимо,

чтобы детьми занимались чужие люди, которые и сформируют новый, психически здоровый тип человека. Таким образом, мир будет спасен.

К величайшему сожалению, эти идеи эхом вторили господствовавшей в СССР идеологии с ее желанием принизить семью, а то и совсем вытеснить ее за счет коммунистического воспитания, нацеленного на создание Homo Sovieticus. В Советском Союзе людей с легкостью объявляли шизофрениками, и если у них хватало смелости противиться тоталитарной системе, их отправляли на принудительное «лечение».

Я заметил, что и до сих пор любые психические отклонения в России принято невозмутимо обзывать «шизофренией». Как будто там не совсем понимают, что это серьезное, влекущее тяжелые последствия, неизлечимое психическое заболевание. Шизофрения вызывает целый ряд существенных осложнений, касающихся и мыслительной деятельности, и поведения, и эмоций; этот диагноз предполагает постоянный прием медикаментов и применение прочих лечебных методик. Я абсолютно убежден, что совсем незначительное количество членов этой секты (а то и вовсе никто) в действительности страдали от шизофрении. Однако почти все они были выдрессированы до полной покорности и даже позволяли каким-то шарлатанам воздействовать на себя медикаментозно.

Как я понимаю, эта секта все еще существует и продолжает практиковать свои «методы лечения и воспитания» в центре Москвы.

Самое большое страдание, с каким только может столкнуться ребенок, – быть брошенным своими родителями. У детей нет выбора. Они не могут выбирать себе семью, так же как не могут выбирать принятый в этой семье образ жизни. И все-таки дети – даже когда их бросают или обращаются с ними несправедливо – сохраняют удивительную способность любить своих родителей. Я знаю, что у Ани нет чувства ненависти ни к ее родителям, ни к кому бы то ни было еще. И не мне их судить. Условия в СССР настолько разительно отличались от тех, в которых довелось вырасти мне самому, что это даже осознать непросто. Однако я полагаю, что Аня хранит в своем сердце разочарование и пустоту там, где должна жить любовь к близким. Я стараюсь помочь ей справиться с этими чувствами. Но лучшим лекарством было бы их искреннее признание: «Мы сожалеем о том, что произошло. Мы поступили с тобой неправильно». Эта фраза бесконечно много значила бы для Ани.

Прочтите эту прекрасно написанную книгу, задумайтесь и извлеките уроки.

Шетил Сандермоен,

03.09.2019

Цуг, Швейцария

(Пер. с англ. Елены Тонковой)

Предисловие

В условиях тирании гораздо легче действовать, чем думать.

Ханна Арендт, философ

Кто я?

Я – капризная, эгоистичная, вечно недовольная и ко всему критично настроенная сучка. Меркантильная тварь, умеющая просчитывать на несколько шагов вперед. Мещанка. По крайней мере, меня в этом убеждали с детства, долго и настойчиво. И, надо признаться, весьма успешно.

А вот мой муж, к моему большому удивлению, как-то сказал мне, что ему нравится во мне то, что я не избалованная европейская штучка, а суровая русская с хорошим, хоть и немного странным, чувством юмора.

Мне было 39 лет, когда он сделал мне предложение, и я подумала, что с моей стороны было бы нечестно связывать свою жизнь с человеком, не рассказав ему о своем прошлом, о своем детстве. Я же не смогу всю жизнь об этом молчать, а если рассказывать урывками, то у человека может сложиться обо мне неполное или даже превратное впечатление. Ладно, если бы он был русским – для русских самые невероятные истории звучат не очень-то удивительно. Но он норвежец, выросший в приличной семье, в достатке, который мне и не снился, а главное,

окруженный любовью и заботой. Приличное окружение дало ему моральные ориентиры, недостаток воспитания в нем суровую самодисциплину, а любовь и забота сделали его сердце отзывчивым. Поэтому он стал не только надежным партнером и богатым человеком, но и хорошим отцом, мужем и возлюбленным.

Мне же пришлось проделать огромный путь, прежде чем я обрела себя.

Ведь когда взрослые неправильно воспитывают детей, дети перестают любить не их, а себя.

Я написала свою историю специально для своего будущего мужа. И была готова к тому, что он, прочитав ее, передумает на мне жениться. Но этого не произошло.

Может быть, потому, что, если человек способен связно описать ситуацию, это означает, что он с ней справился?

Секта в секте

Раньше меня раздражали вопросы знакомых и друзей о моем детстве. Каждый раз, когда я начинала рассказывать, меня сразу перебивали, и по первому же заданному вопросу становилось ясно, что мне не верят. Или вопрос был настолько болезненный, что я, как щенок, начинала злиться и огрызаться. А иногда я и сама начинала сомневаться, говорю ли я правду: не домыслила ли я чего, не исказились ли мои воспоминания со временем и под влиянием эмоций. Не раз я пыталась это проверить, спрашивая кого-нибудь из тех, кто, будучи ребенком, находился в секте вместе со мной. И все, к сожалению, не только подтверждали мои воспоминания, но еще и добавляли свои.

Однако, общаясь с теми, кто попал в секту уже взрослым, я замечала, что их впечатления отличаются от воспоминаний тех, кто провел там детство. Причем их можно разделить на несколько типов.

Одни испытывали чувство вины и не скрывали этого. Было видно, что им очень неприятны эти воспоминания. По мне, это и есть нормальные люди.

Другие уходили от прямых ответов, отвечали невпопад или все переводили в злые, саркастические шутки. Они не хотели это вспоминать. Таков мой отчим. В принципе, это тоже нормальная реакция, хоть и свидетельствует о равнодушии и отсутствии эмпатии.

Третьи вместо ответа по существу – оскорбляли. Таких большинство.

Четвертые многозначительно закатывали глаза: мол, я недалекая, ограниченная, а потому и не понимаю глубинного смысла всего там происходившего. Как тогда не понимала, так и потом не начала. Не вылечили они меня. Именно из таких людей состоял костяк секты, на них все держалось. Да и держится до сих пор.

Только теперь, уехав навсегда из России, я начинаю осознавать, что все эти сектантские установки распространялись и продолжают распространяться, словно плесень, повсюду...

Мы вышли из секты, мы осуждали ее на словах, но она оставалась в нас и с нами, мы продолжали жить по ее принципам. Мы судили о вещах так же, мы лечились так же, мы думали в тех же категориях, мы поступали и строили свою жизнь в соответствии с теми же установками. Наш страх перед неизвестным, перед тем, что мы не в силах контролировать, – ментальными расстройками, физическими болезнями и смертями – первобытен и выпестован системой, унаследованной из концлагерных условий Советского Союза.

И каждый раз, когда я пыталась от этого отгородиться, просто физически уехать куда-нибудь подальше, меня «выгоняли» из коллектива, как бы давая понять:

«Другая ты нам не нужна. Раз ты не полностью с нами, то ты против нас. Значит, ты враг».

Путь длиною в сорок лет

В первый раз я сделала записи о своем детстве в секте, когда мне было двадцать три года, – просто чтобы не забыть деталей. Я уже тогда знала, что это будет мой мысленный эксперимент над собой. И еще я знала: то, что я записываю в качестве моих воспоминаний, – правда, а вот то, что я записываю в качестве моих оценок, – неправда. Но я не знала тогда других слов. Я не знала тогда, ни как назвать свои эмоции, ни как с ними справиться. Я не могла их маркировать. Мне было всего двадцать три, и рядом не нашлось никого, кто помог бы мне разобраться в своих чувствах. Я была движима желанием вспомнить хоть что-то хорошее о моей семье и о родителях, которые отдали меня в секту. Я изо всех сил пыталась найти им оправдание.

Теперь мне сорок пять. Я больше не живу в СССР, я больше не живу в России. Моей дочке уже пятнадцать. Моя семья теперь тоже совсем другая, она скандинавско-швейцарская. Мой муж норвежец, и живем мы в Швейцарии. У мужа свой бизнес, свой частный университет и бизнес-школа, у меня свой бизнес – книжное издательство. Мы посвящаем себя образованию людей.

Я не только физически, но и ментально переместилась на Запад. А на Восток теперь смотрю «искоса, низко голову наклоня».

Иногда какое-то даже незначительное событие может вдруг взять и перевернуть с ног на голову видение и интерпретацию всей твоей жизни. То, как ты раньше определял для себя свою жизнь, как расставлял в ней приоритеты и выстраивал причинно-следственные связи, вдруг радикально меняется. Ты совершенно неожиданно для себя видишь в каждом своем прошлом решении и поступке некую ошибку, которая только теперь приобрела для тебя статус системной. Раньше это было невозможно ни увидеть, ни понять, потому что это было твоей верой.

И теперь ты смотришь, как все, что ты до этого хранил и нес, как хрупкую драгоценность, сквозь бури и ураганы, вдруг рушится лавинообразно, превращая в бесполезную пыль все твои интеллектуальные конструкции, которые ты наивно считал фундаментом, краеугольным камнем своей личности –

словом, тем, на чем базировалось твое самоуважение и твое достоинство. Тебе всегда казалось, что именно это дает тебе силы и право шагать по земле с высоко поднятой головой и расправив плечи. И тут – все. Нет у тебя больше этого основания. Все это – пыль. Пшик.

Многие ли проходят через такое? Сколько раз в жизни? И на какой раз человек разумный научается понимать, где пшик, а где нет?

Так получилось, что для меня таким поворотным моментом стала эмиграция: смена страны, окружения и культуры. Она позволила оглянуться на прошлое и увидеть его по-новому, как будто со стороны. И, конечно, ключевым фактором, с которого началась вся эта смена интеллектуальных перспектив и ракурсов восприятия, стало мое знакомство с моим будущим мужем.

Много лет я не знала, как рассказывать о секте. С одной стороны, мне казалось, что в ней скрывается нечто великое, гениальное, необходимое всему человечеству. А с другой – что-то внутри мне постоянно нашептывало: нет-нет... что-то там не то... Пока у меня не было дочери, я приписывала это смутное чувство своему невежеству; было удобнее думать, что мне просто не хватает ума понять всю глубину и истинный смысл происходящего. Но потом у меня родилась дочь, и, когда она доросла до того возраста, в котором я уже оказалась в секте, я вдруг как-то неожиданно для себя полностью пересмотрела свое отношение к тому, что там происходило, и к людям, так или иначе с сектой связанным.

Надо сказать, что мой муж со второй фразы моего рассказа понял, что я была в секте. Мне же для этого понадобилось почти сорок лет.

Зачем я написала эту книгу

Я хочу рассказать о своем опыте и о том, как менялся мой образ мыслей. Как я сначала восторгалась идеями, пропагандируемыми сектой Виктора Давыдовича Столбуна, и как потом поняла, что же на самом деле стояло за ними.

Моя история – о том, какой ценой человек учится мыслить, даже не столько критически, сколько самостоятельно. Критиковать несложно, а вот умение находить лучшие решения требует не только хорошего образования, но и большой смелости.

Это история о том, как дорого обходится нам невежество. О том, как нельзя воспитывать детей. О том, что происходит в душе и голове маленького ребенка.

Я хочу рассказать правду. Правду о секте, которая никуда не исчезла с развалом СССР – с развалом другой «секты», в которой она стала возможна. Я хочу рассказать правду, насколько может быть правдой любое воспоминание, любой жизненный опыт.

Эта книга документальная. В ней – только факты из моего детства, проведенного в секте.

Много лет подряд я вела внутреннюю дискуссию, стоит ли публиковать эту правду. И все ждала, что это сделает кто-нибудь из «взрослых», – ведь я попала в секту ребенком. Но желающих так и не нашлось, а секта и по сей день продолжает существовать в самом центре Москвы. Даже в Швейцарии, где я теперь живу, встречаются последователи «учения» Столбуна.

Теперь ее возглавил другой человек, сын жены Столбуна Владимир Владимирович Стрельцов, а ее члены активно рекламируют себя в российских соцсетях и привлекают все новых клиентов. Раньше они «лечили» в основном алкоголизм, наркоманию и шизофрению, а теперь заявляют, что лечат еще и от туберкулеза.

В интернете немало информации об этом, но она разрозненная и порой в корне неверная. Я решила собрать под обложкой этой книги то, что знаю сама, указав реальные имена.

Для кого я написала эту книгу

Для моего мужа, чтобы рассказать ему историю моего детства, которое разительно отличается от его собственного. Вот говорят, мол, европейцы такие изнеженные, им совершенно неведомы тяготы жизни. Говорят: даже не надо пытаться им рассказывать, они все равно не поймут. Я не согласна. Наверное, это зависит от человека. Можно быть изнеженным и никогда не сталкиваться с теми проблемами, которые приходилось решать мне, но при этом не только сохранять любознательность, но и оставаться человеком с большим сердцем – таким, где найдется место и моим рассказам, и связанным с ними чувствам... Может, в таком отношении и выражается настоящая любовь?

Для моей дочки, чтобы она знала, в каких условиях росла и складывалась как личность ее мама, и чтобы благодаря этому могла лучше понять меня.

Недавно она сказала:

– Мам, я иногда ловлю себя на мысли, что боюсь вырасти и стать непохожей на тебя...

– Как это?

– Ну, у тебя была такая интересная жизнь, ты так интересно обо всем рассказываешь... А вот у многих моих подруг такие мамы... с ними совершенно не о чем поговорить... И у меня тоже ничего драматичного в жизни не происходило, да и произойдет ли? У меня ведь все есть, никаких проблем... не то что у тебя! Такая насыщенная, интересная жизнь. Я боюсь, что моя жизнь будет скучной, и я не смогу рассказать своим детям ничего интересного о себе.

– Так я же тебя оберегаю от тех испытаний, которые выпали мне. Теперь-то я знаю, какова их цена! Это потерянная семья и одиночество. Это много лет напрасных усилий во имя чужих интересов. Это надорванное здоровье. Это короткая жизнь. У тебя обязательно будут другие истории, но, я надеюсь, добрые, забавные и не менее поучительные – для тех, у кого опыта меньше, чем у тебя.

Эта книга для любого человека, который хотел бы услышать правду о том, как жили люди в секте, зародившейся когда-то в СССР, и что значит быть ребенком в такой коммуне.

Наконец, она для себя самой, чтобы еще раз прожить этот опыт, переосмыслить его – и отпустить, отстраниться, перелистнув эту страницу жизни.

Я поведу рассказ как от лица ребенка, растущего в секте, так и от лица уже взрослого человека, обладающего и опытом родительства, и опытом эмиграции. Я вспоминаю то, с чем сталкивалась и что чувствовала ребенком, и делюсь своими теперешними мыслями о прошлом. Я показываю эволюцию взглядов и мыслей, сопровождавших мое взросление, чтобы показать, как просто, пока ты молодой, попасться в ловушку и как непросто, а порой и невозможно, даже с годами, из нее выбраться.

Каждый, прочитав эту историю, увидит в ней что-то свое. Я по образованию философ; мне нравится думать, рассуждать и рассматривать вещи с разных сторон. Напишите мне, что думаете обо всем этом вы!

1. До секты

В детстве ничего не удивляет

В детстве все, что бы ни происходило, кажется нормальным. Ведь у ребенка нет выбора: за тебя все решают взрослые, а ты только плывешь по течению, пытаешься приспособиться и выжить. С годами, пока взрослеешь, память снова и снова возвращается то к тому, то к другому эпизоду из детства, буравя тебя изнутри вопросами...

Какой в этом был смысл? Зачем? Почему?

Когда начинаешь сравнивать свой опыт родительства с опытом твоих родителей, ты задумываешься:

А я так же поступил бы со своим ребенком? А с чужим?

И все больше понимаешь, что между своими детьми и чужими нет разницы, особенно когда ты сам вырос с чужими, неродными тебе детьми и без семьи, хоть она у тебя и была.

Тюрьма для ученых

Я родилась и первые годы своей жизни провела в Душанбе, пока родители не переехали жить и работать в Ленинград. Мои воспоминания о родном городе по-детски прекрасны. Это дом: бабушка, теплый воздух, запах фруктов, муравьи на кухне, печак, «зеленый» базар, прохладный линолеум на полу, пластинки, запах книг, лоджия с огромным зеркалом, журчащие арыки, асфальт плавится, сидячая ванна, розовые аллеи, плакучие ивы, виноградные лозы над головой, чай из пиалушек, ароматные лепешки с кунжутом, деревья со сладким тутовником, черешневые сады, песчаные афганцы-ураганы и, конечно, оперный театр! В оперный театр, который считался душой города, бабушка меня водила часто (по крайней мере, я так запомнила).

Таджикский государственный академический театр оперы и балета имени Садриддина Айни. Основан в Душанбе в 1936 году

Русскоязычную среду в Таджикистане тех времен составляли в основном представители интеллигенции, насильно высланные из крупных российских городов. Так там оказались и мои родные. Дедушка был сыном врага народа, которого расстреляли в годы сталинского террора, и вся семья оказалась под

этим клеймом. У нас не было разрешения жить в Ленинграде, откуда моя мама родом. Какое-то время, на первом этапе наказания, семья жила за «сто первым километром», а потом была «распределена» в самую дальнюю среднеазиатскую республику – «поднимать целину». Бабушка и дедушка – как ученые и профессора – должны были создать и развивать местный душанбинский университет. Им «списали» нищенские зарплаты и прямо во внутреннем дворике университета выделили глинобитную хибарку без каких-либо коммуникаций. Там и росли моя мама и мой дядя. Но, как это было принято в СССР, никто не роптал, и моя мама до сих пор убеждена, что решение семьи жить в Душанбе было добровольным. Тогда все были обязаны быть счастливыми и благодарными коммунистической партии, что бы ни произошло.

Тетя Оля Кармен

Когда родилась я, у бабушки уже была своя квартирка, «великодушно» выделенная ей советским государством: в трехэтажном доме и даже с холодным водопроводом и канализацией. С дедушкой они развелись; он уехал жить и работать в Киргизию, где со временем возглавил геологический институт. А бабушка продолжала преподавать в Душанбинском университете и по-прежнему заботилась о своих детях: моей маме и ее брате.

Первые годы моей жизни прошли в бабушкиной квартире. У нас была соседка, тетя Оля. Я знала ее очень хорошо: она жила под нами, в такой же квартире, как у нас. Правда, мы все знали друг друга: в нашем доме на улице Лахути было всего шесть квартир.

Тетя Оля была особенной. Она пела в оперном театре, и, когда мы ходили на «Кармен», я всегда с трепетом ждала ее выхода. Потому что из обычной, на мой тогдашний взгляд, женщины на сцене она превращалась в настоящую жар-птицу, яркую Кармен с потрясающими прическами и платьями, ярким гримом и звонкими кастаньетами. Она танцевала, пристукивая кастаньетами и каблукками, страстно пела Хабанеру, бросала розу в Хосе! Зал аплодировал

стоя, выкрикивая «бис». Некоторые, вставив пальцы в рот, свистели от переполняющих их чувств.

По окончании оперы мы выходили в фойе, разговаривали и ждали тетю Олю. А она выходила к нам уже без грима, в обычной одежде простой советской женщины, с хвостиком на затылке. Меня всегда удивляла эта перемена. А как же страсть, розы и Хосе? Почему нельзя остаться такой же красивой Кармен и за пределами театра? Но в те времена мы обязаны были выглядеть в жизни как все. Серенькими, скромными и никак не выделяться.

Тетя Оля тоже оказалась в секте, и мои воспоминания о той яркой и удивительной Кармен навсегда остались в прошлом.

Ах, как я мечтала быть как Кармен! Яркой, красивой, петь как соловей, бросаться розами, и чтобы рядом всегда был такой Хосе, который бы мною восторгался. Это произошло, но для этого мне пришлось проделать путь длиной почти в сорок лет.

Счастливое детство в Ленинграде. Мой первый класс

В 1981 году мне было семь лет. Я жила с мамой и папой в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). Родители мои – геологи и работали во ВСЕГЕИ (Всесоюзный геологический институт). Это было величественное здание с высокими колоннами и широкими лестницами, как в Эрмитаже. Храм науки!

Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского

Родители часто брали меня на свою работу. Я хорошо помню институтский музей, где у входа стоял огромный кристалл соли, который можно было лизнуть,

и скелет динозавра чудовищных размеров в самом центре постоянной экспозиции.

Помню, что институт казался огромным, в нем было множество ходов, переходов и лестниц, соединявших разные части здания; пока мы с мамой или папой шли по длинным коридорам, я считала двери кабинетов, а между ними были еще и маленькие дверки шкафов для образцов. Коллеги родителей, завидев меня, обычно всплескивали руками и восклицали: «Ай, это Анечка?! Господи, какая большая уже выросла! И вся в маму! Или в папу?» Мне это очень нравилось. И если кто-нибудь вдруг этого не говорил, я думала, что с ним, видимо, что-то не так.

Как я работала геологом

В институте был внутренний двор, где жили бездомные кошки и стояли грузовые машины для геологических экспедиций.

Уже в мои семь лет родители впервые взяли меня в геологическую экспедицию на Южный Урал. Мы жили в настоящих палатках, готовили на костре, ходили в маршруты, и я по-настоящему помогала родителям находить аммониты и вкрапления фузулинидов. Поскольку я была маленького роста, я быстрее всех замечала их под ногами. Мне также поручали раскладывать образцы по мешочкам и подписывать их. В поле я впервые столкнулась с большим количеством насекомых; когда я шла, они прыгали мне в лицо. Взрослым они допрыгивали до пояса, а мне – до самого лица. Помню, папа очень терпеливо объяснял мне, что жучков бояться не надо, они безобидные. Конечно, впечатлений после настоящей экспедиции у меня было множество. Я очень гордилась тем, что по-настоящему работала геологом.

Я помню себя счастливым ребенком. Рядом с мамой и папой мне было хорошо и безопасно. И я гордилась ими.

В Ленинграде я окончила первый класс. Наступили летние каникулы, и родители отправили меня к бабушке в Таджикистан, в Душанбе. Это был еще Советский Союз, и Таджикистан был частью СССР.

2. Промывка мозгов

Первая коммуна на Лахути

Приехав в Душанбе – в город, где я родилась, в дом, где провела первые годы своей жизни, где каждый миллиметр был моей территорией, где оставались мои любимые игрушки, – я опешила: в малюсенькой двухкомнатной квартире с совмещенным санузлом находилось десятка два совершенно незнакомых мне людей разного возраста. Все вповалку спали на полу, тесно прижавшись друг к другу, под общими одеялами и на общих подушках. Ели тоже на полу, расстелив клеенку. Квартира перестала быть уютным и безопасным местом, где можно играть.

Все эти люди всегда были в хорошем настроении и на каком-то невероятном подъеме эмоций.

У всех этих людей были вши. У меня они скоро тоже появились.

Бабушка, казалось, меня не замечала; точнее, она уделяла мне внимания ровно столько же, сколько и остальным.

Первое время мне постоянно делали замечания такого рода: «Не сиди нога на ногу! Это говорит о том, что ты ставишь себя выше других. Не скрещивай руки на груди! Или ты вообразила себя Наполеоном?! У тебя, судя по всему, мания величия». Я была ребенком и не понимала смысла этих замечаний (кто такой Наполеон, что такое мания, величие), но класть ногу на ногу и скрещивать руки на груди перестала.

Видимо, считалось, что перекрещивание конечностей – способ психологической защиты, закрытия от внешнего воздействия.

Тогда как адепту секты полагается быть постоянно открытым, то есть уязвимым – чтобы его можно было контролировать.

Мне пришлось самой научиться заплетать свои длинные волосы, потому что ходить с распущенными, как Кармен, было нельзя. Если я не заплетала косы, мне говорили: «Ты что, как лахудра?!» Как-то я спросила, что такое «лахудра». Мне сказали, что это проститутка. Кто такая проститутка, я спрашивать не стала, так как уже по интонации поняла, что это что-то очень плохое и относится только к красивым девочкам и женщинам. Тогда я сделала вывод, что быть красивой плохо. Это небезопасно. Хотя если красивая Кармен была плохой, то почему же мы слушаем эту оперу, думала я. Ах, но она же в конце умирает... значит, заслужила?

Меня «стучат» и «слоят»

Однажды одна из взрослых женщин, Наталья Евгеньевна, позвала меня в комнату и сказала, что будет меня лечить. Вокруг все было настолько абсурдным, что у меня даже не возникло вопроса – от чего... Да и возникают ли у ребенка подобные вопросы, когда он совершенно один и спросить все равно некого? Она усадила меня перед собой, заглянула в глаза и начала доверительную беседу: «Аня, я знаю, что ты злишься и у тебя протест. На сколько баллов у тебя злота по 10-балльной шкале? А протест?»

Позже этот вопрос мне, как и всем остальным членам секты, задавали постоянно, и я на всякий случай отвечала, что злота и протест у меня на 7–10 баллов. Потому что, если взрослые так уверены, что я злая и сопротивляюсь, зачем же их разочаровывать?

Потом Наталья Евгеньевна попросила меня закрыть глаза и положить обе руки на стол ладонями вниз. В течение нескольких минут она специальной «стучалкой» в виде перевернутого деревянного грибочка выстукивала определенный ритм, а я должна была в течение одной минуты с закрытыми

глазами по слуху отвечать стуком своих ладоней по столу. На один удар реагировать правой ладонью, а на два – левой. Правая ладонь отвечала за левое полушарие мозга, а левая, соответственно, за правое. Считалось, что чем больше ошибок ты делаешь обеими руками, тем лучше. Перекос, когда одной рукой сделано намного больше ошибок, чем другой, свидетельствовал о дисфункции мозговой деятельности. Если ты вообще мало ошибался, это означало, что ты практически одеревенел от злобности, агрессии и протеста, поэтому тебя необходимо активно лечить. Тут уже «психологи-педагоги» советовались друг с другом, узнавали авторитетное мнение Главного, и потом обычно следовала ударная доза терапии: беседа, механотерапия и слоение.

Словом, с помощью «стука» измерялся уровень агрессии человека.

Кроме этого теста иногда проводились и другие. Все они предназначались для определения текущего состояния и потенциальных возможностей мозга. Тесты были слуховые (ты должен запомнить и воспроизвести комбинации слов на скорость), зрительные (запомнить, тоже на скорость, специальные картинки, а потом быстро их зарисовать) и тактильные (тебе поочередно загибают пальцы на руке, а ты с закрытыми глазами запоминаешь и повторяешь эту очередность). Эти тесты назывались «следы». Так и говорили – «делать следы».

Хлорэтил

После первого теста, стука, Наталья Евгеньевна попросила меня снять трусы и лечь на бок. И стала лить жидкий хлорэтил – на ягодицы (сначала на одну, потом на другую, поочередно) и в определенные точки на пальцах ног. Это было больно, на поверхности кожи чувствовалось неприятное жжение. После процедуры нельзя было поднимать голову и следовало заставить себя заснуть или хотя бы лежать с закрытыми глазами. Потом кожа в тех зонах, куда лили хлорэтил, сильно чесалась и даже покрывалась небольшими ожогами в виде корки. Но с годами я к ним привыкла. С того случая это проделывали со мной практически каждый день в течение шести лет. Никаких изменений я не чувствовала. Всех остальных, как детей, так и взрослых, тоже постоянно «лечили» таким образом. Это называлось «слоить», «слоение».

Гениталии или слизистую никогда и никак не затрагивали. Никакого сексуального подтекста в лечении не было.

Много позже я прочитала, что хлорэтил является сильнодействующим наркотическим веществом и что даже микродозы препарата при вдыхании могут вызвать наркотический эффект. Возможно и привыкание. Но мы ничего этого не знали и никакого особого эффекта не замечали. По крайней мере, я.

Смысл всего

Вскоре я узнала, что во всей этой кутерьме есть Главный, Виктор Давыдович Столбун. Старый (так мне тогда казалось, а ему было не более 50 лет), низкого роста, с большим мясистым носом, всклокоченными серыми волосами и маленькими глазками человек, которого все очень боялись и уважали. На всякий случай я тоже к нему так стала относиться.

Коммуна называлась «Коллектив». В ней собирались люди, желающие построить коммунизм, чтобы спасти мир, гибнущий из-за тотальной шизофренизации.

Главный видел беду всего человечества в том, что большинство людей на Земле больны шизофренией, алкоголизмом, наркоманией и другими серьезными психическими отклонениями. «Дети страдают и гибнут!» – то и дело патетически восклицал он, драматично размахивая руками. С его точки зрения, абсолютно все физические недуги, включая рак, инфекционные заболевания, переломы костей, проистекают из психических отклонений и неправильного настроения и образа мыслей. И для того, чтобы выздороветь, необходимо скорректировать психику человека, перестроить структуру его личности. Психологическая коррекция возможна при условии вовлечения всех членов семьи, так как неправильная система семейных отношений служит для человека главным источником психических отклонений. Таким образом, в коллектив люди приходили (или, скорее, были вынуждены приходить) целыми семьями. Родственники, по каким-либо причинам отказавшиеся примкнуть к коллективу, считались предателями или потенциальными врагами. И все, кто когда-либо ушел из коллектива, тоже автоматически попадали в эту категорию.

Моя семья в полном составе, за исключением дедушки, оказалась под абсолютным влиянием этой идеологии.

Таким образом, в коллективе оказывались целые семейные кланы. А весь коллектив делился, в свою очередь, еще на два коллектива: взрослый и детский. Я была в детском. Со взрослыми мы жили раздельно и по-разному; иногда не пересекались месяцами.

Главный принимал людей на «лечение». К нему обращались как «дипломированные» алкоголики и шизофреники, так и люди, не получившие официального диагноза, но испытывающие определенные затруднения, например в воспитании детей. Были у Главного помощники – уже «вылеченные» им люди, просто энтузиасты и его жена. Они называли себя «психологами» и «педагогами».

Лечение главным образом состояло из бесед. Это было такое промывание мозгов: ты стоишь в окружении большого количества людей, и тебе доказывают, что ты полное ничтожество; в конце концов наступает момент, когда у тебя не остается в этом никаких сомнений. И тут тебя начинают снисходительно жаловать подачками в виде обещаний: «Ладно, если ты будешь нас умолять, мы, так и быть, тебя вылечим». Так ты понимаешь, что значит счастье. Ты, конечно, не выздоравливаешь, если даже и был чем-то болен, но зато навсегда становишься частью секты.

Клиентами секты в основном становятся женщины, и если ты особо везучая, тебя еще и осемят, и у тебя появится шанс родить на свет психически здорового ребенка, ведь главарь секты – единственный в мире здоровый человек, значит, у него и семя здоровое. Таким образом от главаря появилось на свет много детишек. Слава богу, я сама там была ребенком, и лично меня в сексуальном плане никто не трогал. Но это редкая удача.

Беседы сопровождаются процедурами. Пациента сначала тестируют на уровень «агрессивности» и «напряженности»; потом делают «следы», чтобы исследовать мозг, его потенциал, слабые и сильные места (я с детства помню слова: лобная, теменная, височная и затылочная доли мозга); и наконец струей хлорэтила или небольшими разрядами электрического тока через разные точки на теле воздействуют на мозг. (Кто-то может перепутать это с акупунктурой.) Согласно обещаниям, это лечение помогает стать добрее и расслабленнее, избавляет от негативных мыслей, которые как раз и провоцируют в человеке любые болезни:

и рак, и туберкулез, и прочее.

Абсолютно для любого недомогания в секте находили психосоматическое объяснение, предлагая решить проблему с помощью психотерапии и наслаиваний. Например, психосоматикой онкологии считались потеря веры и надежды, глубинная безысходность, отчаяние. Поэтому если кто-то заболел раком, ему говорили: «Ну что же ты такой слабак?» С этих слов начиналась, в принципе, любая психотерапия.

Я сама много лет в это верила, пока не оказалась в Швейцарии. Здесь многие проблемы, которые в России казались мне неразрешимыми – потому что никак не получалось «снять в себе агрессию, провоцирующую заболевания», – решаются элементарно при помощи правильно подобранных лекарств или операций.

Для лечения в секте было еще одно важное условие: человек должен просить о лечении сам. Желательно умолять, стоя или даже ползая на коленях. Это значит, что он уже сломлен, потерял всякую надежду и, следовательно, пойдет на любые условия – остается лишь переиначить структуру его личности. Не раз я была свидетелем того, как педагоги-психологи ждали, когда же пациент дойдет до нужной им кондиции, чтобы снисходительно оказать ему помощь. Никто не считал такой подход бесчеловечным или антигуманным; наоборот, он был одним из самых важных элементов «метода».

Если кто-то был при смерти, считалось, что помощь окажется действенной только в одном случае: он должен прийти сам и попросить о лечении. То, что умирающий человек физически этого сделать не мог, объяснялось его нежеланием меняться, чтобы жить дальше. Другими словами, его личным и осознанным выбором.

Так, к примеру, умерла Наталья Сергеевна Карапетова, родившая от Столбуна нескольких детей. Так умерла моя бабушка Дина Михайловна Чедия.

Почему «Главный»?

Я хочу объяснить, почему я предпочитаю не называть Главного по имени.

Первое. Я брезгую называть его по имени. Велика честь.

Второе. Для меня Главный – символ крайнего проявления нарциссизма и аморальности, ставших возможными благодаря абсолютной безнаказанности. И, к сожалению, таких людей, как он, немало на этой Земле. Поэтому я пишу не о нем, а о ситуации как таковой. Я считаю, это неважно – как его звали. Важна не его личность – важно само явление и то, какое влияние оно оказывает на конкретных людей. Например, лично на меня.

Многих взрослых я называю в своих воспоминаниях их настоящими именами, так как считаю, что они были и остаются истинными подельниками преступника. Они примкнули к нему, потому что сами были гнилыми людьми. Они тоже преступники.

Принципы, по которым нас воспитывали

Самая большая ошибка родителей, по мнению Главного, состоит в том, что детей в семьях балуют и чрезмерно опекают. Из-за этого детский мозг тормозит в своем развитии, и ребенок становится вялым, пассивным, несамостоятельным, плохо соображающим, со слабой памятью и т. д. В семьях с опекающим стилем воспитания растут избалованные, капризные дети с претенциозным поведением. Такой стиль провоцирует развитие психических и, как следствие, физических заболеваний. Детям надо предоставлять максимум самостоятельности и свободы выбора. Родители должны обеспечивать благоприятную психологическую атмосферу в семье: доброжелательность и «чистоту отношений между полами».

Еще одна проблема, вытекающая из вышеназванных, – проблема пресыщения. Когда родители балуют детей, дети пресыщаются, или «зажираются».

Также Главный часто говорил о «мещанстве» как о доминирующей системе ценностей, основу которой составляют «теплый сортир» и порядок в доме; в результате дети в таких семьях вырастают «тупыми мещанами», ставящими во главу всего лишь достижение материальных благ.

Отношения между родителями и детьми также, с точки зрения Главного, требуют серьезной коррекции. Родители, которые общаются со своими детьми не на равных, свысока, давя своим авторитетом и властью, унижают чувство собственного достоинства ребенка и не дают ему свободно развиваться.

Утверждалось, что все детские болезни – это прямое следствие их желания привлечь к себе внимание. Они требуют родительской опеки, заботы и внимания и таким образом «рвут на себя одеяло», постоянно подпитывая свой эгоцентризм. Дети только для того и болеют.

Весточки

Считалось, что детей, пришедших в коллектив, необходимо изолировать от родителей: вырвать их из привычной среды, показать им другую систему отношений.

Встречи с родителями происходили крайне редко и под жестким контролем педагогов. Переписка также жестко контролировалась. Все письма мы были обязаны приносить педагогам на проверку, а письма от родителей всегда получали вскрытыми либо не получали вообще. Письма называли «весточками». Считалось, что у нас не должно быть времени на письма: мы же заняты борьбой. Поэтому весточки. Традиционно мы также писали родителям поздравительные открытки на праздники: Октябрьской революции, Дня Победы, 8 Марта, 23 Февраля и на Новый год. Дни рождения у нас не было принято как-то серьезно отмечать – ведь это индивидуалистский праздник. Текст поздравлений на открытках состоял в основном из штампов типа: «Дорогая мамочка! Я счастлива быть в Коллективе со своими друзьями и соратниками и сообща бороться за наше священное дело!» и т. п.

По причине конспирации никому даже в голову не приходило пользоваться обычной почтой. Да у нас и денег не было ни на марки, ни на конверты. Поэтому любые весточки всегда передавались с оказией и только через своих людей.

У меня до сих пор хранятся некоторые письма; они почти все без конвертов и выглядят как сложенные записки, на которых указано имя адресата. Некоторыми из них я делюсь в этой книге. По ним можно судить о многом: и о ценностях, которыми жили люди, и о принципах, которым следовали, и даже о «воздухе», которым дышали.

Бабушкины весточки я всегда хранила с особенным трепетом.

У меня чудом сохранилась и моя открытка бабушке, которую я писала, наверное, в классе третьем, когда освоила пропись, но, видимо, из-за помарок не передала ей, а оставила себе, сохранив в своей коробочке «с драгоценностями» – единственной разрешенной мне личной вещи. Заметно, что там я не знаю, как обращаться к своей бабушке, на «ты» или на «вы», и, кроме всего прочего, желаю ей быть «матерью».

Бабушка Дина чка! Поздравляю тебя от всей души с праздником с Днем Победы! Спасибо большое тебе за то, что вы мне дали так много тепла, души. Спасибо вам большое за то, что вы никогда в трудную минуту не бросите и всегда придете на помощь, как самый верный друг. Спасибо вам большое. Желаю вам быть все время такой доброй, ласковой, теплой и матерью.

Крепко целую. До свиданья.

От вашей внучки Анки Чедия

Бабушка

Моя бабушка – личность эмоциональная и впечатлительная, известная в академических кругах как ученый и как прекрасный педагог, обожаемый своими студентами, умная и яркая женщина, независимо мыслящая и все схватывающая на лету, – была настолько зомбирована советской пропагандой, что оказалась неспособной фильтровать информацию в пользу здравого смысла.

Причина моего пребывания в секте была высосана из пальца.

Бабушка выросла в условиях диктатуры, в среднеазиатской ссылке, прошла огонь и воду, как и все в те годы, особенно женщины. Ад родов в условиях полной антисанитарии – только представьте себе медицину в кишлачных условиях Душанбе, где в родильных отделениях не было видно стен и потолка: они были полностью покрыты кровью, а сверху – копошащимися мухами. Маму бабушка родила в Ленинграде, но ее брат, мой дядя, родился спустя три года уже в Душанбе и вскоре после рождения, что неудивительно в тех условиях, заболел полиомиелитом. Вся семья выхаживала Котьку – как ласково звала его бабушка – с ложечки, и он чудом выжил. Надо ли говорить, что с тех пор он пользовался в семье особым отношением. Когда он достиг совершеннолетия, бабушка решила, что у него не все в порядке с психикой: то ли потому, что ее убедил в этом встретившийся на ее пути Главный, то ли потому, что мой дядя действительно был незаурядной личностью. А в те времена, как я уже говорила, нельзя было быть не таким, как все. Кармены и Хосе существовали только на сцене.

Дядя сценой и увлекался: он окончил консерваторию, где учился на оперного режиссера. Но незаурядность проще было объявить психическим отклонением, чем принять или подстроиться под нее. В те времена в той стране никто не знал, что это такое и с чем это едят.

Именно поэтому оперы были так популярны – это была настоящая сублимация *homo sovieticus*.

Бабушка – женщина волевая и имеющая власть над сыном – определила его на лечение в коллектив. Окрыленная идеей панацеи, она решила посвятить ей свою жизнь. В том далеком Душанбе, на границе с Афганистаном, где не было ничего, кроме гор, кишлаков, слепленных из кизяка, и туалетов, в которых задницу подтирали камнями или просто рукой, а потом руку – о стену; где само по себе быть женщиной было позором; где общение с русскоязычными ограничивалось совместными походами на премьеру в оперу пару раз в год, – вдруг появился мессия из самой Москвы.

Да, Главный был родом из Москвы, с пропиской и квартирой на Котельнической набережной. Его сопровождали две его дочери от предыдущего брака, Катя и

Юля; жена Валентина, его верная спутница и соратник; и два ее сына, тоже от предыдущего брака, Владимир и Андрей. И тянущаяся за этой шайкой по всей стране паства человек в тридцать, которая и называлась «коллективом». Все они побросали свои дома и квартиры и скитались по СССР в поисках пристанища и новых «больных». Паразиты в поисках большого тела – куда присосаться, чтобы жить и расти.

Бабушка была счастлива ощутить себя частью большого и светлого дела, призванного спасти все человечество. Ее квартира, так же как и все ее небольшое имущество, поступила в распоряжение коллектива. Бабушка, известная на весь Таджикистан влиятельная личность, незамедлительно начала привлекать новых людей и новые ресурсы для поддержания его деятельности.

В самом центре Душанбе появилась официальная клиника, где принимались амбулаторные больные.

Покончив с основными моментами по ее организации, бабушка связалась с моими родителями, жившими в Ленинграде, и сказала им: «Ребята, присылайте Анюту сюда! Вы говорили, ей было трудно учиться в первом классе? Математика плохо давалась? Ага. Стихи наизусть не хочет учить? Вот видите! С ней не все в порядке. Пусть приезжает, тут ее вылечат, вот увидите».

Бабушка стала главным сподвижником Главного. Мозгом и академическим ядром секты. Она всем сердцем верила в то, что делала. Читала лекции, писала труды, бегала по советским инстанциям и пробивала разрешения. Бабушка умела звучать очень убедительно. Она была ученым-палеонтологом, поэтому ей было легко и интересно связывать работу мозга и способы его коррекции с эволюционными теориями всего живого.

Это был идеальный союз шарлатана и ученого.

Конечно, бабушка стала для Главного находкой. А она, энергичная и образованная женщина с двумя детьми на руках, настрадавшаяся от одиночества и отчаянья, сосланная на край света, туда, где женщина – никто, где, чтобы доказать обратное, надо уметь взглядом раздвигать облака, – она бросилась в коллектив с головой, как в омут.

Человеку, кем бы он ни был, где бы он ни был, чтобы чувствовать себя человеком, важно ощущать свою принадлежность к чему-то большому и важному. Этим большим и важным для нее стал коллектив.

Больные дети

К нам приезжали дети с различными заболеваниями: псориазом, нейродермитом, шизофренией, в том числе «ядерной»; а также дети наркоманов и алкоголиков, или, как нам говорили, из трудных семей. Я часто слышала от взрослых, что детей воспитывают по системе Макаренко. Он всегда был авторитетом для Главного.

Но спустя много лет я узнала, что далеко не все эти дети росли в трудных семьях или страдали от болезней. Причины, по которым многие из них оказались в коллективе, были другими. Либо их родителей было легко убедить в том, что их дети больны, и таким образом приумножить паству; либо родители сами «лечились» в коллективе, а, как я уже упоминала, в коллектив брали целыми семьями; либо это были дети высокопоставленных чиновников и знаменитостей Советского Союза. Детей высокопоставленных чиновников и людей со связями в секту принимали с удовольствием: они обеспечивали поддержку, в том числе финансовую, и «крышевание». Ну и, конечно, за каждого отправленного ребенка родители вносили ежемесячную оплату, а многие еще и предоставляли свои квартиры для проживания.

Поскольку людей без проблем не бывает, с помощью психосоматической идеологии и догматики уцепиться можно за что угодно.

Если один ноготок увязал, пропадало все...

Белый домик

В центре Душанбе расположилась наша клиника, которую мы между собой называли Белый домик. Как мне объяснили, там лечили больных алкоголизмом и шизофренией. Это было типичное среднеазиатское глинобитное здание: одноэтажное, побеленное; внутри – кабинеты и коридоры. В кабинетах стояли столы, стулья и кушетки. Больных обследовали, а потом на кушетках слоили.

На улице вокруг Белого домика лежала пыль, стояли деревянные скамейки, под которыми я иногда находила фантики от конфет. Мне нравилось их нюхать и собирать в карманы.

Я ничего больше не помню про этот Белый домик, я тогда была слишком маленькой.

Педагоги-психологи

Людей в белых халатах уважительно называли «педагогами-психологами» и обязательно по имени-отчеству. Юлия Викторовна, Наталья Евгеньевна, Елена Евгеньевна, Надежда Юрьевна, Владимир Владимирович и прочие (в том числе сам Столбун) – никто из них не имел ни психологического, ни медицинского, ни педагогического образования. Единственным более-менее постоянным членом группы, имеющим медобразование, была законная супруга Столбуна Валентина Павловна Стрельцова. Она предпочитала жить в комфорте, поэтому лично я с ней пересекалась очень редко.

Я не хочу переоценивать качество и уровень советского образования в сфере педагогики, психологии и тем более психиатрии, потому что они имели карательный характер и были далеки от науки. Казалось бы, отсутствие такого образования могло стать преимуществом... Могло, но не стало.

Беседы и обмороки

Беседы проводились постоянно и в любое время суток, хоть среди ночи. Это была настоящая промывка мозгов. Привычный для моего уха клич: «Все на

беседу!» – и ты встаешь и идешь, как на молитву, туда, куда идут все. Как зомби. Главный говорил много часов подряд, расхаживая внутри выстроенного из людей круга и почесывая свою лохматую голову. Плечи у него всегда были белыми от перхоти. Нельзя было ни присесть, ни прилечь. Нельзя было ни перебивать, ни задавать вопросы. Мы обязаны были сохранять полную тишину. И благоговейно слушать.

Рассуждая, Главный заглядывал всем по очереди в глаза, как бы оценивая, насколько сильно влияют его слова и меняются ли люди под их воздействием. Периодически он вызывал в круг того или иного человека, чтобы его обсудить.

Бывали случаи, когда люди во время этих многочасовых бесед падали в обморок от голода или усталости. Но считалось, что это хорошо: значит, до человека дошел смысл сказанного Главным, и человек так расслабился (то есть «скоррегировался», или перестал злиться, и уровень его агрессии снизился), что даже потерял сознание. Вот такая логическая цепочка!

Я во время этих бесед мечтала притвориться, будто падаю в обморок, потому что уставала стоять, было ужасно скучно и хотелось заняться чем-то другим.

Из бесед я, конечно, мало что понимала, но все-таки уже тогда могла уловить, что мы все страшно больны и если бы не попали в коллектив, то умерли бы. Все, что вне коллектива, опасно и заразно. У нас много врагов, которые хотят нам навредить и даже нас уничтожить, поэтому мы должны жить «в окопах», быть предельно осторожными с посторонними людьми. Врагов Главный часто называл «сионистами».

Потом я поняла, что основным «врагом» были не сионисты, а официальная советская медицина, которая не признавала этих методов лечения. Деятельность коллектива была запрещена. А позже на Главного было заведено уголовное дело за избиение детей.

Будучи сам евреем, Главный с завидным упорством на протяжении многих лет говорил о сионистах, которые хотят нас уничтожить. Зачем сионистам уничтожать евреев, я не понимаю до сих пор. У него была паранойя? В моем детском воображении рисовались самые страшные образы преследующих меня сионистов. Я представляла их с перекошенными от злобы лицами, лязгающими зубами и длинными крючковатыми руками со звериными когтями, которые

тянутся ко мне, чтобы схватить и утащить в свое страшное логово, где они высасывают из живых детей теплую кровь или делают что-то еще более ужасное, мне неведомое.

Огромную часть своих бесконечных монологов Главный посвящал теме взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Он говорил, что они должны быть чистыми – «без грязи». А у нас у всех, говорил он, отношения грязные. И лично мне он говорил, что я – блядь. Так к словам «лахудра» и «проститутка» добавилось еще одно слово: «блядь». Мне тогда только исполнилось восемь лет.

Все люди в коллективе поклонялись Главному – он стал богом и для меня. Родителей у меня больше не было, и поклоняться мне было больше некому.

Бабушка и дядя делали вид, что мы друг другу чужие, и я боялась к ним даже подходить.

Тетя Катя

Вообще, там нельзя было называть взрослых «тетями» или «дядями» – только по имени-отчеству. Но Екатерину Викторовну мне хотелось так называть – тетя Катя. Она была мне как родная. Спокойная, добрая, умная и красивая. Она обо мне заботилась, разговаривала со мной по-человечески. Не как со взрослой (а так делали все остальные, что считалось нормальным), а как с ребенком. Именно поэтому я у нее училась, и мне это нравилось. Она помогла мне выучить наизусть много разных стихов. Это были стихи и Александра Пушкина, и Агнии Барто, и Ирины Токмаковой, и многих других. До сих пор у меня в голове звучат задорные строки, которые мы с тетей Катей весело заучивали вместе:

«Купите лук, зеленый лук,

Картошку и морковку!

Купите нашу девочку,

Шалунью и плутовку!»

Мы стояли палаточным лагерем на Варзобе; была ранняя весна, кругом цвел миндаль, паслись отары. Тогда я попробовала бараний помет, решив, что это кто-то рассыпал конфетки... Тетя Катя научила меня, что в горах по весне нельзя прислоняться к деревьям: у скорпионов, которые живут под корой деревьев, брачный сезон, поэтому они особенно ядовиты и легко могут ужалить, а это очень опасно.

Тетя Катя много читала мне вслух. Однажды, уже после лагеря, в коммуне, она достала большой художественный альбом, посадила меня рядом и, скользя рукой по скульптурам на иллюстрациях, стала говорить о богах и богинях, пересказывать греческие мифы. Она обводила пальцем изображения обнаженных тел и все повторяла:

– Посмотри, как красиво... посмотри, какие линии... не правда ли, это прекрасно...

Очень почитаемый мною ученый-генетик Владимир Эфроимсон писал, что личность ребенка формируется под влиянием импрессионга, то есть чего-то такого, что произвело на человека в детстве огромное впечатление и потом во многом определяет его жизнь. Моменты, проведенные с тетей Катей, я запомнила очень хорошо. На протяжении всей моей жизни, всякий раз, когда я сталкиваюсь с античностью, я вспоминаю ее запах и свет, который исходил от нее. И каждый раз мысленно ей отвечаю: «Действительно красиво».

Но мое счастье длилось недолго. Тетя Катя выбросилась из окна. Я этого не видела; я не помню, где я была. Просто она вдруг куда-то исчезла, а потом меня взяли в больницу «проведать Екатерину Викторовну». То, что меня взяли в больницу ее проведать, было неожиданно человеческим актом, потому что обычно все проблемы замалчивались или скрывались и мало кто знал правду, если она не соответствовала доктрине.

Тетя Катя выжила, но сильно повредила себе шею, и у нее что-то случилось с челюстью – был замечен шов. Кто-то мне потом сказал, что, падая вниз, она зацепилась за виноград на втором этаже, и это спасло ее. Также я потом узнала, что она была беременной и в результате падения потеряла ребенка.

А потом тетя Катя исчезла из моей жизни. Она навсегда уехала из коллектива, и в течение многих лет Главный называл ее на своих беседах проституткой и

врагом. Я тогда сделала вывод, что они поссорились, но никогда не верила, что она плохой человек. Еще о ней скептически говорили, что она стала простым водителем трамвая, но я и этого не понимала. Ведь нас учили, что труд простых людей на простых должностях – это почетно, тогда почему же они так скептически отзывались о том, что тетя Катя всего лишь водитель трамвая? Что в этом стыдного?

Мое имя

В многочисленной группе людей я была одинока. И на все шесть лет жизни в секте практически забыла свое имя. Кроме тети Кати, по имени ко мне обращался мало кто и в очень редких случаях, когда я, по непонятным мне причинам, вдруг становилась «хорошей», «здоровой» – словом, «попадала в милость». Обычно же взрослые либо обращались ко мне по фамилии, либо давали разные странные прозвища. Это звучало как шутка, даже, может быть, добрая, но мне всегда чудилась в этом какая-то унижительная ирония. И мы, дети, повторяя за взрослыми, тоже часто обращались друг к другу не по именам, а с какими-то глупыми дразнилками.

Если мне все-таки случалось услышать свое имя – Аня, – я каждый раз вздрагивала, так это было непривычно. Каждый раз я думала: а что случилось? Почему вдруг я – Аня? Не говно, не лахудра, не жопа, не чедия, не чедиюшка, не псевдоинтеллигенция, не больная, не злобная сволочь, не грязная тварь, как меня обычно называли, а Аня.

Вот так, через такие, казалось бы, мелочи, дети полностью утрачивают свою идентичность – гордость за себя, свое имя, род, семью. Гордость, а значит, и ответственность.

Мой первый и последний друг

В нашу квартиру на Лахути, которая теперь стала коммуной, привозили все новых детей – от пяти до шестнадцати лет. Это были самые разные дети. Я ни с

кем не была близка, но один человек мне хорошо запомнился.

Однажды к нам приехал мальчик лет двенадцати. Мы с ним подружились. Тогда и случился первый мой «мордобой» – боевое крещение во взрослую жизнь. Мне сказали определенно, что я блядь, что я развращаю мальчика, что я затаскиваю его под стол и там с ним ебусь.

Мат там поощрялся всегда; говорили, что это язык трудовых людей, а не «псевдоинтеллигенции».

Со мной проводились долгие публичные беседы в очень резкой форме. Сейчас-то я могу со всей ответственностью сказать, что мысли о сексе у меня появились много-много лет спустя, годам к двадцати; тогда же я даже не понимала значения матерных слов. Я попала в опалу, и меня травили, как зверька, все от мала до велика. Устроили бойкот и обращались как с рабыней. Я повиновалась и изо всех сил старалась «улучшиться».

Выбора у меня не было. Бабушка была полностью с ними. Мама с папой далеко и, как мне говорили, тоже очень больны; пока их не вылечат, я к ним вернуться не могу, потому что умру.

Был еще дедушка. Но он категорически отказывался поддерживать идеи коллектива, поэтому мне говорили, что он психически неполноценный человек и доверять ему никак нельзя. Но я, честно говоря, всегда сомневалась в том, что с дедушкой что-то не так. А вот тому, что говорили про родителей, я верила. Они же сами меня туда отдали и не забирают.

С тех пор как одну из моих первых привязанностей прервали таким образом, у меня пропало желание с кем-либо сблизиться.

– На сколько баллов злоба?

– На 9.

– А протест?

- На 9.

- Очень хорошо. Давай лечить.

Как меня убеждали, что у меня голоса и галлюцинации

Психологи и педагоги, которые меня лечили (а лечили меня постоянно), кроме вопроса о том, на сколько баллов у меня агрессия и сопротивление, задавали еще вопросы о моих галлюцинациях и голосах. На первый вопрос я привычно отвечала «7-10 баллов» - до лечения; а после лечения, когда мне делали контрольный тест, чтобы увидеть динамику, я, конечно, говорила, что агрессии у меня балла на 2-3 меньше. Не помню, чтобы я хоть раз решилась сказать, что агрессии у меня нет вовсе.

Одной из самых важных составляющих учения Главного была уверенность, что у всех психически больных людей обязательно бывают зрительные и слуховые галлюцинации. Я никогда толком не знала, что это означает, но поскольку меня спрашивали, есть ли это у меня, на всякий случай соглашалась. Когда меня просили их описать, я не знала, что сказать. За зрительные галлюцинации я принимала свои фантазии. А за голоса - те звуки, которые слышала, и, конечно, они были реальными. Помнится, я даже хотела это испытать, ведь именно этого от меня ждали. Специально прислушивалась к себе, но, к моему разочарованию, мне нечем было обрадовать взрослых в белых халатах.

Деньги

Деньги на нашу жизнь присылали родители - по 60 рублей в месяц на ребенка. Также родители присылали нам одежду. Но бо?льшую часть этих денег тратили не на наше питание и не на обеспечение условий жизни, а на что-то другое. То, что некоторые взрослые и сам Главный питались значительно лучше нас, сомнений не было. Только они делали это украдкой.

Говорили, что мы все равны в нашей борьбе за светлое будущее, что мы все, вне зависимости от возраста, приносим одинаковые жертвы, отказывая себе во всем и работая не покладая рук. Но на деле тем, кто был ближе к телу Главного, перепали самые жирные и вкусные куски. И это не считалось чем-то постыдным, наоборот, мы все думали, что это правильно. Ведь если кто-то приближен к самому здоровому человеку на земле, каким, без сомнения, является Главный, это не может быть случайностью. Значит, таким людям и положено больше. Значит, они заслужили это. У них правильные мысли и верный настрой.

Как мы все боялись медицины

Нашими врагами были не только сионисты. Нашими врагами были еще и врачи. Слова «медицина», «таблетки», «микстуры» были почти ругательствами. Ничто, кроме нашего лечения, – слоения и психотерапии (в том числе механотерапии, т. е. побоев), не могло помочь человеку. За все годы, проведенные в секте, я ни разу не видела обычного врача. Каким-то образом нам удавалось избегать плановых диспансеризаций в школах. Я знаю, что Главный очень боялся стоматологов. Никто никогда на моей памяти не посещал врачей, ни в какой ситуации. Зубы у всех взрослых выглядели ужасно. В этом смысле хорошо, что я была тогда ребенком и не успела сильно себя запустить.

Между тем случаи, требовавшие врачебного вмешательства, в коммуне не были такой уж редкостью.

Так, однажды, когда мы детским коллективом жили в Подмосковье, я упала навзничь с качелей и ударилась спиной; у меня были такие боли, что я почти не могла двигаться. Тогда меня сразу же изолировали и отвезли в квартиру Главного на Котельнической набережной. Я жила там одна с несколькими взрослыми, и меня, как обычно, слоили. Хотя, как ни странно, не очень ругали за то, что у меня болит спина. Наверное, в тот момент было не до меня.

Один парень как-то опрокинул на себя кипящий чайник с плиты, и его тут же полностью залили «пантенолом». А под рукой это лекарство оказалось случайно – только благодаря тому, что мы в тот момент жили в центре Москвы, в квартире кого-то из родителей.

Другой парень, когда мы были где-то в походе, упал и прокатился голым торсом по раскаленной металлической решетке, на которой мы в ведрах варили еду.

Во время работы на полях девочке долбанули тляпкой по рукам.

Один из наших педагогов упал между перроном и движущимся поездом, сильно повредил себе бедро и чудом не лишился ноги.

На одну из наших педагогинь напал в кабине своей машины дальнбойщик и пытался изнасиловать.

И это только то, что осталось на моей детской памяти.

Однако со стороны казалось, будто мы все абсолютно здоровы, ничем не боеем, ничего с нами не случается и мы всегда полны сил, несмотря на постоянный труд и тяжелые условия жизни. Собственно, в этом и был основной смысл и посыл нашей деятельности: не балуйте детей, не растите из них барчуков, пусть пашут и знают, почем фунт лиха, закаляйте их!

Но для умного наблюдателя было очевидно, что болели мы не меньше, а может, и больше, чем остальные люди. Просто у нас эта тема тщательно замалчивалась. Больных быстренько изолировали, да так, чтобы этого не замечали даже товарищи по секте. А если изолировать не было возможности, ругали за плохие мысли, за неправильный настрой и поведение.

У нас так люди и умирали. И я еще ребенком всегда удивлялась, что факт смерти человека так быстро заминается. Не было ни какой-то публичной боли или горечи, ни чего-то особенного или торжественного – ничего такого, чем должна завершаться, как мне казалось, жизнь достойного человека. Как-то всем было не до этого.

Зато, когда умер Брежнев, мы были обязаны скорбеть. А смерть новорожденного ребенка младшей дочки Главного приписали холодной погоде. Не тому, что у его матери неправильные мысли, или что она порочная женщина, или что неправильно обращалась с ребенком, а тому, что на дворе стоят морозы: ребенок просто-напросто замерз в коляске во время дневного сна. Виноватым оказался мороз. Избранным и специальным людям можно все простить.

Когда я писала свои первые воспоминания (в двадцать три года), я совершенно искренне декларировала: да, действительно, мы, несмотря ни на что, не болели. Я в это верила. Но сейчас, спустя годы, вспоминая нашу тогдашнюю жизнь более детально, разговаривая с бывшими «сектантами», я обнаружила такие факты, о которых, будучи ребенком, даже не догадывалась. Причем многое от нас, детей, как это часто бывает, скрывали намеренно.

Я стала понимать, что детские впечатления важно и нужно перепроверять.

Кто помнит свое детство в СССР

Здесь, в Швейцарии, у меня есть приятельница из России; она удивляется каждый раз, когда я с неприязнью вспоминаю СССР: «Да чего же там такого плохого?! Ведь у советских людей все было. Пусть немного, но ведь у каждого гражданина была крыша над головой, бесплатное образование и медицина, работа, зарплата. Все стабильно и предсказуемо. Чем не рай?!» Правда, потом выяснилось, что в СССР она жила в родительской квартире и папа у нее – военный. То есть они относились к привилегированной части общества и имели какой-никакой достаток. (Совсем не в пример нам – семье, глава которой был врагом народа.) А кроме того, ее воспоминания о Советском Союзе окрашены детским романтизмом. Дети не видят сложных взаимосвязей в социальных явлениях. Мы начинаем их замечать и понимать только с годами и опытом.

Именно поэтому так важно во взрослом состоянии мысленно возвращаться в свое детство – чтобы переосмыслить то, что тогда происходило. Именно поэтому я и пишу эту книгу: я хочу понять, что было не так и как все устроить, чтобы больше подобного не происходило ни с моими детьми, ни с чужими.

Театр, или арт-терапия

У нас не хватало помещений, а людей в коллективе становилось все больше и больше. Нужно было где-то устраиваться и вести свою деятельность. В клинике в центре Душанбе никто не жил – там работали взрослые. А жили мы на квартирах, которые предоставляли родители детей, состоявших в коммуне. В квартире моей бабушки расположился штаб – там разместилось начальство.

Кроме бесед, слоения и механотерапии применялись у нас и другие лечебные меры, например арт-терапия: в коммуне был самодеятельный театр. Главный говорил, что театр является мощным психокорректором. Играя на сцене, человек раскрепощается, теряет страх перед аудиторией, учится быть искренним.

Нам предоставляли сцены в местных домах культуры, там мы репетировали, а потом гастролировали по всей стране. В первое время моего пребывания в коллективе мы ставили «Сирано де Бержерака» Э. Ростана. К тому времени людей у нас стало уже очень много. Они приезжали со всего Союза: из Москвы, Ленинграда, Дмитрова, с Урала, из Сибири и, конечно, многие были из Душанбе.

Театр мне нравился. Было интересно. Иногда мы сутками репетировали и просто жили на сцене и за кулисами. За кулисами же, прямо на полу, нас лечили: стучали и слоили.

Репертуар у нас был большой. Мы играли примерно двадцать разных спектаклей.

Как-то в актовом зале одной из школ мы репетировали «Незнайку в Солнечном городе». Я играла Мушку. В зале сидели мои родители, которые ненадолго приехали нас навестить. Главный тоже наблюдал за нашей игрой. В разгар репетиции он нас остановил. Он так часто делал, чтобы начать очередную беседу, обсудить поведение того или иного человека.

На сей раз Главный был недоволен мной. Он закатил длинную речь, смысла которой я не помню. Потом сказал моим родителям, чтобы они со мной поговорили. Мама с папой отвели меня в какой-то пустой класс, долго мне что-то объясняли (я совсем не помню что), потом посадили на стул. Мама скрутила мне руки за спинкой стула и держала, чтобы я не вырывалась, а папа бил по лицу (это называлось «бить морду»). У меня началось сильное кровотечение из носа, а папа все бил и бил. Потом я пришла домой – в коммуну – уже без родителей, сняла свое любимое платье, погрузила в наполненную холодной водой ванну, но

так и не смогла отстирать кровь. Пришлось его выбросить.

Спустя годы я спросила папу: как он мог так со мной? Папа клялся, что не помнит такого. Сейчас я ему верю. Я знаю, что порой самое страшное люди стирают из памяти, так как это невыносимо ни помнить, ни объяснить.

- На сколько баллов злоба?

- На 9.

- А протест?

- На 9.

- Очень хорошо. Теперь давай слоиться, чтобы сбить агрессию.

Пощечина в Чебоксарах

Однажды в Чебоксарах мы выступали на сцене в школе-интернате. Показывали «Терем-теремок». Все время своего пребывания в коллективе я играла в этом спектакле лягушку. В этот раз я отыграла первую сцену, и занавес закрыли. Неожиданно ко мне подлетел Главный и с размаху залепил мне пощечину, крикнув в лицо: «Ты будешь нормально играть сегодня, сволочь?! Немедленно расслабься и прекрати злиться, тварь!» Я не успела даже ойкнуть, как занавес уже открыли. Передо мной полный зал, и надо продолжать спектакль. Щека горит как ошпаренная. Я быстро взяла себя в руки и доиграла спектакль до конца.

Тогда мне показалось – и много лет потом я была уверена в этом! – что благодаря той пощечине я получила дивное ощущение высвобождения и абсолютного расслабления. Что я тогда почувствовала, как свободно вдруг начало двигаться тело, как раскрепостилась пластика, мне стало легко говорить, пропал страх аудитории, и я отлично доиграла спектакль до конца.

Ведь то же самое Главный велел сделать и моим родителям, когда они меня избивали, выдернув из спектакля про Незнайку.

Какой я тогда сделала для себя вывод? Что халтурить нельзя. Надо всегда выкладываться полностью, как в последний раз. И быть готовой к тому, что он действительно окажется последним, – тоже всегда.

Мне редко давали роли, которые я хотела играть. Чаще всего использовали в массовках. Это было скучно, особенно если учесть, что у нас шли одни и те же спектакли на протяжении многих лет. Меня уже подташнивало от однообразия, и даже в маленьких ролях я изо всех сил старалась показать, что способна на большее, чтобы меня наконец заметили и дали сыграть что-то более значительное. Но, к моему огромному разочарованию, больших и интересных ролей мне не доверяли. Их давали избранным. Например, роль маленькой разбойницы в «Снежной королеве», о которой я мечтала, дали дочке цэкашника. Ее всячески превозносили, публично воспевая ее талант. Я ужасно ей завидовала и уже тогда очень хорошо понимала: не видать мне этой роли по той простой причине, что ей она нужна больше, чем мне, – ведь она дочь высокопоставленного чиновника, а значит, «больнее» меня. И лечиться ей нужно больше, чем мне.

Большие роли давали самым больным, а значит, самым талантливым. Так объяснял Главный: мол, шизофрения скрывает подлинные таланты, а благодаря его лечению они полностью раскрываются. Но мне и тут была неясна логика: выходило, если мне не дают значительных ролей, значит, я не так уж больна. Тогда почему меня постоянно лечат и ругают? Получалось, что быть шизофреником хорошо? Значит, ты талант? А раз я не шизофреник, то я бездарность? Так я рассуждала, будучи ребенком.

А мы между тем выступали на больших сценах по всей стране; нас даже пригласили играть в телевизионной студии, а потом показывали по телевизору. Это считалось огромным событием! Ведь в те времена на советском телевидении вещали всего три канала, и попасть туда было практически невозможно.

Так что, хоть и в массовках, но я была частью великого, и были-таки люди больнее меня. А значит, я уже на верном пути.

Но с тех пор при любом публичном выступлении меня сковывает животный страх. Мне приходится прилагать немало усилий, чтобы с ним справиться.

- На сколько баллов злоба?

- На 9.

- А протест?

- На 7.

- Очень хорошо. Теперь давай слоиться, чтобы сбить твою агрессию. Ты расслабишься, и у тебя больше не будет протеста. Ложись. Готовься к процедуре.

Ядро и говно

Люди в коллективе постоянно менялись. Кого-то выгоняли за плохое поведение, кого-то принимали. Количество колебалось от 30 человек до 200. Но оставалось ядро из постоянных членов. И быть входящим в это ядро было очень почетно.

Жили коммунами со строгой иерархией: главный педагог, помощник педагога, у детей еще председатель и совет командиров (командиры время от времени переизбирались.) Все остальные - «говно», то есть те, кого лечили. Прямо так и говорили - говно. Я - среди них.

К говну часто применялась психотерапия (ее еще называли механотерапией), а попросту - мордобой. Детей также били иногда ремнем по заду. Но не всех, а только некоторых. Били тех, чьи родители не стали бы протестовать, то есть были максимально зашоренными идеологией коллектива. Конечно, я была в числе именно таких детей.

В двух-трехкомнатной квартире могло жить до двадцати человек. Спали на полу под общими одеялами и на общих подушках, без постельного белья, еду готовили все по очереди, питались очень скудно, в основном кашами и супами из пакетиков.

Считалось, что чем скуднее условия и пища, тем крепче дух.

Мой второй класс

Когда начался наш первый учебный год в Душанбе, всех детей из коммуны устроили в одну школу в центре города. Я училась во втором классе, во вторую смену. Нас было несколько в этой смене, и мы все какое-то время жили вместе. Воспитывали нас три педагога: читали нам книги и следили за тем, чтобы мы делали уроки.

К тому времени нас уже настолько выдрессировали, что мы и сами следили друг за другом, то есть дети за детьми. Мы думали, что это правильно: надо помогать друг другу, дабы не попасть в лапы шизофрении.

Как-то раз одна девочка из коммуны на перемене съела яблоко и ни с кем из нас не поделилась. Кто-то из наших это заметил, быстренько всех обежал и рассказал об этом. Мы договорились после уроков встретиться и провести с той девочкой беседу. Встретились, провели – набили морду, как это делали с нами взрослые. Ей же сопротивляться было нельзя, так как в этом случае ей бы еще сильнее досталось от педагогов. И мы это делали не потому, что нам было жалко яблока, а потому, что мы не хотели ей дать «погибнуть» от шизофрении и блядства.

Мы были искренними борцами.

– На сколько баллов злоба?

- На 8.

- А сопротивление?

- На 6.

- Готовься к процедуре. Подожди, кажется, мы забыли измерить пульс...

Случай с педофилом

Когда моей дочке было десять лет, мы жили уже в Швейцарии. Как-то в ее класс пришел полицейский; он рассказывал о том, чем опасны педофилы, и вместе с учительницей объяснял, как распознавать таких людей; а главное – учил говорить «нет». Потом я спросила дочку, все ли она запомнила, и поняла, что она прекрасно усвоила этот урок.

Мне вспоминается моя собственная встреча с педофилом тогда, в Душанбе, в той самой школе, где я училась во вторую смену. Мне было восемь лет; я сидела на первом этаже у раздевалки, видимо, кого-то ожидая. Тут в здание зашел какой-то мужчина и спросил, где находится 3-й «Б» класс. Я начала объяснять, а он попросил его проводить. Я, конечно, согласилась. Я была уверена, что это чей-то папа. Мы пошли, но он неожиданно зажал меня в угол, задрал мне сарафан, стянул трусы, достал свой член, онанировал и кончил мне на трусы. А я от ужаса и неожиданности застыла и не могла выдать ни звука, хотя слышала, как за колоннами, прямо рядом с нами уборщица-таджичка водит шваброй по полу. Потом он просто ушел, и все.

На негнущихся ногах и в мокрых трусиках я ехала в троллейбусе, потом прибежала домой в коммуны и рассказала об этом взрослым. А они мне сказали, что у меня «грязные сексуальные фантазии и очень много плохих и неправильных мыслей». «Такая маленькая, а уже такие фантазии!»

Надо ли говорить, что больше я никогда не рассказывала взрослым о своих проблемах и огорчениях.

Тогда же я отмывалась сама, сама отстирывала свои детские трусики. Мы стирали свои вещи сами...

Вскоре после этого случая кожа вокруг рта у меня покрылась герпесом. Это я сейчас понимаю, что это был герпес, потому что он периодически возвращался ко мне в течение жизни. А тогда мне, маленькой девочке, было просто больно и страшно. Никто не объяснил, что с этим делать, и я грязными руками разносила инфекцию до тех пор, пока практически все мое лицо, в том числе глаза, не покрылось страшно зудящими язвами. Я даже какое-то время не могла ходить в школу. Взрослые меня усиленно слоили и, как можно догадаться, попутно рассказывали, что психосоматика кожных проблем – это страхи, а то, что язвы появились именно рядом с губами, говорит о «грязном отношении к мужчинам».

– На сколько баллов злоба?

– На 9.

– Как часто у тебя грязные мысли?

– Не знаю...

– Не юли, тварь. Отвечай. Как часто у тебя грязные мысли?

– Часто...

Бехзод

Потом все коммуны почему-то съехали с квартир в полуразрушенное двухэтажное здание, готовое под снос, – то ли бывшую школу, то ли садик; мы

называли его странным словом Бехзод. Какое-то время мы жили там все вместе. Здание было таким старым, что казалось, стены могут рухнуть в любую минуту. Пол и потолок тряслись даже от детских шагов; на нас сыпалась, а то и падала кусками, штукатурка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sandermoen_anna/sekta-v-dome-moey-babushki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)